

А.И. Стронин

Политика как наука

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
А11

A11 **А.И. Стронин**
Политика как наука / А.И. Стронин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
532 с.

ISBN 978-5-458-11726-5

В "Истории и Методе" автор изложил свою теорию обработки социальных наук. Теперь, желая сделать опыт и самого применения этой теории к делу, он издает настоящую книгу. Но почему же из многочисленных социальных наук, предположенных в его теории, избрана именно эта?

ISBN 978-5-458-11726-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нію вещественнаго общества; но какъ первая до сихъ поръ не могла подать руку впередъ, наукѣ общественной, такъ вторая никакъ не можетъ до сихъ поръ подать руку назадъ, наукѣ естественной. Конецъ естествознанія и начало обществознанія еще разъ никакъ не умѣютъ спаяться. А между тѣмъ цементъ для этой спайки опять существуетъ, и существуетъ онъ именно въ другой половинѣ социологіи, въ социологіи невещественной, въ политикѣ. Сродство нервной фیزیологіи съ политикою гораздо явнѣе, гораздо чувствительнѣе, чѣмъ сродство растительной съ экономіею; у первыхъ двухъ предметъ изученія совершенно одинъ и тотъ же: умъ, чувство, воля, но только у одной — индивидуальныя, у другой — социальныя; а потому здѣсь-то и легче всего для наукъ общественныхъ завязать связь съ естественными. А потомъ, когда однажды уже она будетъ завязана здѣсь, ей не трудно будетъ распространиться на экономію и фیزیологію растительную. Такимъ образомъ вслѣдить нервный процессъ въ обществѣ значило бы въ одно и то-же время и естествознанію помочь, и въ обществознаніе внести фیزیологическій элементъ и тѣмъ поставить его на твердую ногу. А это и есть дѣло политики. Съ другой стороны, односторонность экономіи безъ политики и всѣ послѣдствія этой односторонности такъ велики и такъ вредны, что этимъ прибавляется еще одинъ мотивъ больше для того, чтобы заглянуть, наконецъ, и на эту другую сторону медали, которая, быть можетъ, пособить разъяснить получше и первую. Вотъ всѣ побужденія, по которымъ избрана для настоящаго опыта политика.

Обращаясь затѣмъ къ литературѣ предмета, къ прежнимъ трудамъ въ томъ же родѣ, нельзя не замѣтить, что въ тѣхъ границахъ, какія только что очертилъ себѣ

авторъ, (нервный процессъ общества), предметъ этотъ никогда не былъ трактуемъ отдѣльно. Подъ политикой разумѣлось у древнихъ то же, что теперь разумѣютъ обыкновенно подъ соціологіей, т. е. все вообще обществознаніе, а потому въ древнихъ опытахъ этого рода и трудно найти какую либо тождественность съ подлежащимъ опытомъ. Тѣмъ не менѣе, однакожь, по самой обширности задачи первыхъ не могли не войти въ нихъ и нѣкоторые предметы послѣдняго. Такъ именно случилось и въ Политикѣ Аристотеля. Въ числѣ разнообразнаго множества вопросовъ, какихъ касается это сочиненіе, вопросовъ экономическихъ, педагогическихъ, моральныхъ, административныхъ, семейныхъ и т. п., встрѣчаются и вопросы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ политическіе, какъ напр. объ образахъ правленія, и даже политическіе въ смыслѣ настоящей книги, какъ напр. о государственныхъ властяхъ, о сословіяхъ, о причинахъ переворотовъ и т. п. Но всѣ эти вопросы, какъ перваго, такъ и втораго, и третьяго рода, развиваются тамъ съ своей особенной точки зрѣнія, совершенно чуждой настоящему опыту, а именно съ точки зрѣнія наилучшаго устройства тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній. Такъ напр. разборъ всѣхъ извѣстныхъ философу образовъ правленія приводитъ его къ тому окончательному заключенію, что самый лучший образъ правленія есть соединеніе ихъ всѣхъ и умѣреніе одного другимъ. Къ подобнымъ же разрѣшеніямъ направлены и всѣ другія изслѣдованія философа, которыя заходятъ иногда такъ далеко, что предпринимается, на примѣръ, опредѣлить даже такія вещи, какъ самое лучшее устройство и расположеніе города, размѣщеніе въ немъ храмовъ и другихъ публичныхъ зданій, количество административныхъ лицъ въ государствѣ, продолжительность власти каждаго изъ нихъ, наилучшіе способы назначенія въ эту власть, какія власти могутъ быть соединяемы въ одномъ лицѣ и какія не могутъ, сколько должно

быть судовъ и, наконецъ, даже должны ли войны быть любезны со всѣми или же только съ своими знакомыми, и т. п. Изъ этого перечня видно, что такое изслѣдованіе носить на себѣ скорѣе характеръ ученаго политическаго проэкта, чѣмъ науки политической, и во всякомъ случаѣ скорѣе характеръ политики какъ искусства, чѣмъ политики, какъ науки. Въ первомъ смыслѣ сочиненіе обнаруживаетъ признаки глубочайшей политической мудрости и такта, блещетъ поразительными предположеніями и соображеніями, какъ напримѣръ указанное уже соображеніе о совмѣщеніи всѣхъ образовъ правленія (осуществленное только въ наши дни Англіею) или можетъ быть еще болѣе замѣчательное, и чуть-ли не самое геніальное во всей книгѣ, пророческое предвѣдѣніе всего значенія средняго сословія (осуществляемое также только новой Европой). Девятая глава шестой книги Политики (по системѣ С. Илера), написанная тогда, когда среднее сословіе не имѣло никакого политическаго значенія, когда разсуждать объ этомъ значеніи можно было только *a priori*, и, однакожъ, разсматривающая всѣ послѣдствія подобнаго значенія съ ясностью существующаго факта, эта глава есть доказательство соціальнаго чутья, по истинѣ изумительнаго. Но въ смыслѣ науки и такое блистательное предсказаніе не есть еще добыча, пока оно не связано ни съ какимъ обобщеніемъ, дающимъ возможность такихъ же предсказаній и всякому другому. Гораздо болѣе поэтому имѣютъ научнаго значенія такія положенія Аристотеля, какъ 1) законъ постепенности въ общественныхъ перемѣнахъ, 2) причины возмущеній, 3) раздѣленіе властей въ государствахъ, 4) анализъ тираніи и 5) связь олигархіи съ учрежденіемъ конницы. Вотъ все, что можно принять за дѣйствительный вкладъ Аристотеля въ нашу науку, и чѣмъ мы не преминемъ воспользоваться отчасти въ этомъ сочиненіи, отчасти въ слѣдующемъ. Но все это не представляетъ еще такихъ широкихъ основаній, на

которыхъ бы можно было строить цѣлую науку. Роль же Аристотеля въ умственномъ мірѣ такова, что если мы не нашли у него зеренъ какого-либо знанія, то это вѣрный признакъ, что мы не найдемъ ихъ ни у кого болѣе ни въ древности, ни въ средніе вѣка. И дѣйствительно, всѣ дальнѣйшіе соціальные мыслители, всѣ Цицероны, стоики, Томасы Аквинаты, Іоанны Парижскіе, Марсиліи Падуанскіе и всѣ вообще, писавшіе о политикѣ, писали о ней по мѣркѣ, установленной Аристотелемъ, т. е. подвергая рѣшенію постоянно все одинъ и тотъ же вопросъ о самой лучшей формѣ общежитія, при чемъ и въ рѣшеніяхъ не далеко отходили отъ учителя. На тотъ же вопросъ долго еще продолжали отвѣчать и въ новой исторіи. Маккиавелли нѣсколько видоизмѣнилъ направленіе, поставивъ, вмѣсто вопроса о цѣли, вопросъ о средствахъ, но изъ предѣловъ политики эмпирической, политики, какъ искусства, все-таки не вышелъ. Это, впрочемъ, необходимый, естественный и всеобщій фактъ: всякая наука возникаетъ только изъ соотвѣтственнаго искусства, и всякой наукѣ такое искусство предшествуетъ, а потому не могло оно не предшествовать и наукѣ соціальной. Новымъ духомъ впервые повѣяло только со временъ Жана Бодена, который былъ первымъ, кто рѣшился высказать такое смѣлое для своего времени обобщеніе, какъ то, что въ жизни каждаго народа замѣчается періодъ зарожденія, періодъ процвѣтанія и періодъ упадка. Это, конечно, былъ уже рѣшительный, хотя и слишкомъ преждевременный, шагъ къ научному воззрѣнію на политику. Мало того, Боденъ совсѣмъ уже оставляетъ эту абсолютную точку зрѣнія наилучшихъ вездѣ и всегда формъ, и прямо высказываетъ, что политическія учрежденія сообразуются съ различіемъ народовъ, съ разнообразіемъ природы, нравовъ и общественнаго быта людей. Словомъ, все почти, заслуга чего приписывается Монтескье, принадлежитъ собственно еще Бодену, и первый также незаслуженно заслонилъ собою

второго, какъ Америкъ Веспуччи заслонилъ собою Колумба. Равнымъ образомъ и другое капитальное обобщеніе политическое, идея прогресса, закрѣпляемое обыкновенно то за Вольтеромъ, Тюрго, Кондорсе, то за германскими философiями исторiи, принадлежитъ еще ясенисту Никдлю, который въ своемъ сочиненiи о бытіи Бога говорилъ: » существуетъ постоянный, столь же древній какъ міръ, прогрессъ. Прогрессъ этотъ подобенъ прогрессу человѣка, выходящаго изъ дѣтства и проходящаго другіе возрасты. » Хотя въ началѣ идея эта и получила характеръ опять-таки абсолютный, характеръ безконечной и безусловной усовершенваемости человѣческаго рода, съ какимъ характеромъ дошла и до нашихъ временъ, тѣмъ не менѣе обобщеніе это было уже достаточно широко для того, чтобы стало возможнымъ строить на немъ науку. И вотъ въ XIX вѣкѣ нашолся и зодчій, который, опираясь на подготовленную такимъ образомъ почву, заложилъ на ней вѣчный и незыблемый фундаментъ: это — Огюсть Контъ, такой же Аристотель обществознанiя, какимъ первый былъ для естествознанiя. Хотя главная его работа по отношенію къ социальной наукѣ есть та, которая относится къ исторiи, и именно къ исторiи идей, а не политики, но многое, а именно все, что онъ называетъ статикою общества, относится и прямо къ нашему предмету, такъ какъ политика есть по отношенію къ исторiи политической тоже, что статика по отношенію къ динамикѣ: первая есть наука организаціи, вторая — наука жизни. А потому мы не имѣемъ даже возможности напередъ указать все, что будемъ предполагать извѣстнымъ изъ Конта или въ чемъ сойдемся съ нимъ; говоря же вообще, мы усвоиваемъ въ настоящемъ сочиненiи почти цѣликомъ всю 50-ю главу его курса положительной философiи, какъ несомнѣнное, по нашему мнѣнію, достояніе политической науки, хотя достигнутое и съ иной точки зрѣнiя, чѣмъ наша.

Наконецъ, что касается всѣхъ позднѣйшихъ, извѣстныхъ автору, сочиненій о политикѣ, то, хотя въ нихъ и чувствуется стремленіе уподобить себѣ и научный, и фізіологическій взглядъ, на что намекають иногда и самыя заглавія ихъ, какъ напр. Соціальная наука, Физіологія общества, Физіологія государства, Психологія общества, Статика общества и т. п., но въ нихъ нѣтъ ничего научнаго и фізіологическаго кромѣ названій. Единственное блистательное исключеніе составляетъ Бокль; но трудъ его и по замыслу, и по исполненію остался, къ несчастію, однимъ фрагментомъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Строеніе общества. Пирамидальное строеніе. Аристократія, демократія, тимократія. Правительство, гражданство, интеллигенція. Природовладѣльцы, капиталисты, труженники. Круговое строеніе. Села, города, столицы. Причина двоякаго построенія. Уклоненія отъ типа строенія. Неизмѣнность общаго плана его. Основанный на этомъ планѣ методъ изученія общества.

Собираясь внести дѣйствительную фізіологическую точку зрѣнія въ политику, т. е. представить нервный процессъ общества, систему невещественныхъ отправленій его, нельзя не предпослать этой точкѣ сперва анатомическую, точку зрѣнія строенія, организациі. Чтобы узнать функціи, надо прежде знать факторовъ. Таково именно и будетъ назначеніе этого анатомическаго введенія.

Трудно себѣ представить что нибудь болѣе безпорядочное по первому взгляду, что нибудь болѣе хаотичное, какъ зрѣлище общества. Никакая сложность и запутанность не можетъ дать ни малѣйшаго понятія о сложности и запутанности этой. Въ самой высокой организациі, съ какою имѣютъ дѣло натуралисты и какую представляетъ человѣческое тѣло, уже по первому взгляду нельзя не замѣтить нѣкоторой правильности какъ строенія, такъ и отправленій: что туловище помѣщается между головой и оконечностями, что принятіе пищи предшествуетъ выдѣленію — это ясно съ перваго взгляда. Совсѣмъ не то въ обществѣ даже самомъ небольшомъ, каковъ, напримѣръ, городъ. Вотъ передъ вами несется щегольская карета, на встрѣчу ей тянется обозъ

съ дегтемъ, справа пѣшеходъ — разнощикъ кричитъ во всю глотку, слѣва вяжутъ человѣка на тротуарѣ, черезъ дорогу перебѣгаетъ горпичная со сливками въ рукахъ, тамъ дальше бѣгутъ погребальныя дроги, здѣсь кучка стѣснилась у церкви, дожидаясь вѣнчанья, откуда-то доносится какая-то музыка, возлѣ топчется на одномъ и томъ же мѣстѣ часовою, сзади слышны звуки команды, еще ближе плескъ весель, а вотъ промчался во весь опоръ всадникъ, спустя минуту грянула гдѣ-то пушка, и все это спутывается, переплетается, все сливается въ одинъ оглушительный гамъ и стукъ, гдѣ пѣть, повидимому, возможности ничего ни разглядѣть, ни разслышать, гдѣ трудно и на минуту допустить, чтобы во всемъ этомъ былъ какой нибудь порядокъ, чтобы все это несло, тянулось, мчалось, встрѣчалось, ради какой нибудь одной и той же цѣли, и чтобы надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ могло царить какое нибудь единство. Гдѣ здѣсь верхъ и гдѣ низъ, гдѣ предъидущее и гдѣ послѣдующее — этого не увидишь глазами какъ на тѣлѣ. Въ большомъ обществѣ, напримѣръ въ государствѣ, хаосъ этотъ еще поразительнѣе. Правительство въ немъ нерѣдко стремится къ одной цѣли, самое же общество къ совершенно противоположной, при чемъ противорѣчіе нерѣдко доходитъ до формальнаго столкновенія. У высшихъ классовъ общества одни интересы, у низшихъ совсѣмъ другіе. У либераловъ такіе-то идеалы и стремленія, у консерваторовъ прямо обратныя. Въ одной и той же партіи одна ея секція хочетъ одного, другая другого. Одни постоянно уличаютъ другихъ въ поспѣшности, въ торопливости, вторые упрекаютъ первыхъ въ медленности, въ запаздываніи. Литературу одинъ винитъ какъ причину нравовъ, другой оправдываетъ ее какъ послѣдствіе ихъ. Революціонеры постоянно ссылаются на философовъ, философы постоянно отрекаются отъ всякой солидарности съ революціонерами. Заговорщики то и дѣло опираются на науку, на опытъ исторіи, а историки то и дѣло умываютъ руки въ своей неповинности. Общественное мнѣніе говоритъ одно, законодательство говоритъ

другое, и когда и почему онѣ согласны, а когда и почему расходятся, — неизвѣстно. Чего нѣтъ и никогда не было въ законодательствѣ, часто оказывается на дѣлѣ, а что тамъ предписывается самымъ строгимъ образомъ, то здѣсь нерѣдко вовсе не существуетъ. Судъ безпрестанно поддерживаетъ законъ, а между тѣмъ законъ все таки безпрестанно падаетъ. При явномъ недостаткѣ въ законѣ бываютъ явные достоинства въ судѣ, и наоборотъ при всѣхъ достоинствахъ закона часто всѣ они уничтожаются недостатками суда. Администрація всегда жалуется на публику, на нравы, какъ обязывающіе ее, публика и нравы всегда жалуются на администрацію, какъ обязывающую ихъ. Гдѣ кончается нравъ и гдѣ начинается обычай, гдѣ конецъ обычая и начало преданія, и есть ли между всѣмъ этимъ разница, — никто не знаетъ и знать не хочетъ. Какое отношеніе между преданіемъ и литературой, литературой и общественнымъ мнѣніемъ, мнѣніемъ и закономъ, закономъ и правосудіемъ, правосудіемъ и управленіемъ, управленіемъ и общежитіемъ, гдѣ ихъ соединеніе и гдѣ раздѣленіе, что изъ нихъ начальное и что конечное, что предшествуетъ и что послѣдуетъ, въ чемъ ихъ согласіе и въ чемъ противорѣчіе, — все это глубокая тайна. Войну всѣ кланутъ, всѣ осуждаютъ какъ нелѣпость и бессмыслицу, и всѣ продолжаютъ воевать. Есть ли какойнибудь смыслъ въ побѣдѣ и въ поражении или нѣтъ никакого — одному Богу извѣстно. Почему общество, побѣждавшее всѣхъ вчера, побѣждается всѣми сегодня, — это опять секретъ. Что сегодня считается въ высшей степени прогрессивнымъ, на завтра оказывается ретроградствомъ. Недавнее процвѣтаніе выходитъ въ сущности упадкомъ, а видимый упадокъ является источникомъ обновленія и т. д. и т. д. И гдѣ разрѣшеніе всѣхъ этихъ противорѣчій, гдѣ единство всего этого разнообразія, гдѣ свѣтъ для всей этой тьмы, — ничего этого простымъ, невооруженнымъ глазомъ не видно. Когда же предстанетъ предъ насъ зрѣлище такого общества, какъ все человѣчество, гдѣ стекаются сто, пятьсотъ, тысяча милліоновъ волю,

чтобы образовать тотъ же хаосъ, гдѣ каждая изъ нихъ имѣетъ въ виду единственно себя и свое дѣло, нисколько не думая о чужомъ, гдѣ билліоны отношеній перепутываются между собою такъ, что часто не умѣешь назвать ихъ по имени, то здѣсь представить себѣ единство и порядокъ окажется еще труднѣе для воображенія. Оттого-то нѣтъ почти ни одного самаго азбучнаго вопроса политики, о которомъ не были бы возможны самыя противоположныя мнѣнія и самыя ожесточенныя споры. А между тѣмъ должно же въ этомъ разнообразіи быть какое нибудь единство; и дѣйствительно, хотя всякое общество стремится, повидимому, разползтись въ разныя стороны, и хотя никогда, напримѣръ, народы не пробовали соглашаться на счетъ программъ своихъ, однакожь безпрестанно случалось, что они дѣйствовали какъ будто согласившись, исполняли, сами того не подозревая, общую задачу. Равно и внутри себя каждое общество, бросаясь въ глаза преимущественно жизнью частей своихъ, живетъ однакожь и жизнью цѣлаго, гдѣ все есть и единство, и взаимность, и гармонія, и стройность. Открытіе-то этого единства и составляетъ задачу всякой науки. А самое первоначальное разрѣшеніе такой задачи состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы представляющійся глазамъ цѣльный хаосъ раздѣлить сперва, по крайней мѣрѣ, на два хаоса. Такимъ-то раздѣленіемъ хаоса политическаго и есть между прочимъ различіе въ немъ на первый разъ по крайней мѣрѣ двухъ разнообразій: разнообразія строеній и разнообразія отправленій.

Строеніе въ свою очередь не представляетъ, повидимому, ничего однообразнаго; оно варьируется, повидимому, до бесконечности, смотря по мѣстамъ, по временамъ и по самымъ объемамъ обществъ: тѣмъ не менѣе, однакожь, есть вездѣ, всегда и во всякихъ обществахъ такія черты сходства, которыя даютъ возможность найти и здѣсь единство, открыть повсемѣстное и повсевременное строеніе обществъ, и при томъ не только такихъ какъ государства, націи и т. п., по